

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
103009, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

23 АВГ 1986

г. Москва

КОГДА к ней так обращались, привычный слуху оборот звучал совершенно неожиданно: никакой фамильярности, трепет и глубочайшее уважение... Фамильярность исключалась даже самой буйной фантазией. Все, что могло иметь отношение к любому из нас, в ее жизни приобретало особый, неповторимый смысл. И это легко объяснялось: неповторимой была она сама.

Только она так полно умела владеть тайнами трагического и комического в каком-то филигранном их сочетании. В самом простеньком сюжете, повествующем о мытарствах директора цирка, она так страдала от людской бессовестности, что зал буквально околечивал, погружаясь в немислимые глубины одиночества и беспомощности старого и никому вообще-то не нужного человека. Тот же зал через секунду самозабвенно хохотал над ее шуткой, а потом опять околечивал и никаких других героев уже просто не замечал, так как был «намертво» привязан к малейшему ее жесту, выражению лица, слову...

Критики часто сетовали, что нет для нее подходящего сценария в кино, не написана достойная роль, но выдающееся дарование Ф. Г. Раневской в том и заключалось, что, поручи ей хотя бы одну реплику, она произнесет ее так, что независимо от замыслов режиссера и сценариста сделается главной героиней, а реплику запомнит не одно поколение зрителей.

Мы познакомились, когда она снималась в фильме «Осторожно, бабушка!». Я мечтал проникнуть на съемочную площадку, но уже который день не удавалось. И вот, в очередное мое дежурство у ворот, появилась какая-то бойкая особа, оглядела местность и вдруг говорит: «Все с ног сбились, ищут, а он тут стоит...» Очень она меня заинтриговала таким сообщением. Вахтеру было сказано, что я «дальний родственник Николая Ивановича», и он очень просил... На самом деле никакого Николая Ивановича я не знал и по этой причине не мог быть ему ни дальним, ни близким родственником... Однако благодарно промолчал и не мешал выполнять поручение моей неожиданной спутницы. Она оставила меня у ближайшей скамейки со словами «не смей никуда убежать, сейчас дядя выйдет» и удалилась. Понятно, что я не мог последовать совету. И пока «дядя» действительно не появился, отправился на самостоятельные поиски.

Раневскую знали все и, как мне показалось, немного побаивались. Потом я понял, почему: она совершенно не выносила бездельного интереса и глухих расспросов и могла так ответить, что на всю жизнь запомнишь. Едва я сунул нос за дверь, как она, не выясняя, кто и зачем, строго сказала: «Закрой и не мешай!» Не смея ослушаться, я все-таки успел пролепетать, что «театр гибнет без психологизма...» И прикрыл дверь. Но она тут же распахнулась.

«Ты кто такой?» — с великим удивлением спросила Фаина Григорьевна. Пришлось рассказывать про нашу сельскую школу и театр. Тот самый, которым болели все от первого по десятый, где было столько выдумки преподавательницы рисования Аллы Матвеевны и где мы уже осуществляли «реформу»: тонкий психологический рисунок и никакого заламывания рук... Я, собственно, и послан был за утверждением наших взглядов на современный театр.

«Ужас какой», — то и дело прерывала меня Фаина Григорьевна. И с таким сочувствием принялась отговари-

рожное замечание, что вот ведь многие не отвечают, и ничего, сурово заметила: «...Не ответить на письмо может только самый пропащий оборот».

Она любила «Комсомольскую правду» и выписывала газету, как сама утверждала, «со дня ее основания». Каждый ее звонок в редакцию был событием. Не всегда приятным для журналистов. «Вы обидели человека», — сказала она однажды с такой болью, что уже и сомневаться не надо было. Но речь шла о ретивом молодом администраторе, который испортил жизнь многим ни в чем не повинным людям. «Помилуйте, Фа-

на Григорьевна, достойно свиньи». Кроме того, надо было сообщить название пяти любимых книг. Фаина Григорьевна написала: «Назвать пять любимых книг не могу, поскольку их у меня сотня. Но мой бог — Пушкин». Бригада, выпускающая номер на первое сентября, задумалась, не слишком ли грубовато слово «свинья». Все-таки праздник... Думали, искали замену. А она не находилась. В общем, пришлось позвонить Фаине Григорьевне. «А вот Иван Андреевич Крылов, — извинительно заметила она, — не стеснялся этого слова. И может быть, только благодаря этому человечество избавилось кое

ФАИНА ГРИГОРЬЕВНА, ДОРОГАЯ...

В эти дни народной артистке СССР
Ф. Г. Раневской исполнилось бы 90 лет

вать от театральных затей! «Деточка, — почти упрасывала она, — в школе надо читать. Как можно больше. Будьте счастливы тем, что вы молоды, а театр...» Но мой вид, вероятно, свидетельствовал об упрямстве. Потому что вскоре Фаина Григорьевна прислала письмо. Теперь я понимаю, что она волновалась не за будущее отечественного театра, которому угрожала наша реформа, а за то, чтобы мы не ошиблись в жизненном выборе. Она волновалась так, словно бы это ее лично касалось. «Милый Юрий, — писала она. — Подумайте, сколько существует возможностей выжить себя в других профессиях... И если бы я начинала жизнь, я бы, наверное, сейчас не пошла на сцену, а увлеклась бы физикой, химией и т. д.». И чтобы окончательно рассеять мои сомнения, высылала вырезку из «Комсомольской правды», где дипломник ВГИКа полностью разделял ее взгляды. Могу теперь признаться, что читать свою газету по-настоящему я стал с этих вырезок с такими знакомыми приписками: «Все же прочтите эту статью. Важно, что я подчеркнула. Привет и добрые пожелания от Ф. Р.» Вспоминая это сейчас потому, что она не делала для меня исключения. Она лично отвечала на всю свою огромную почту. И хлопотала, и заботилась, и проявляла столько интереса к людям, словно они действительно все были ей родными. Как бы ни мучила занятость, сидела и выписывала старомодные большие буквы, сокрушаясь, что с таким почерком ее никогда бы не взяли в следователи, а только в бандиты... А на мое неосто-

ина Григорьевна, такой фрукт заслуживает и более суровых слов. Нет, мы правы». «Безусловно, — ответила она, — но вы не оставили ему возможности быть лучше и понять, что вы правы». Всегда помню эти слова.

А иногда это бывало так: звонок, и низкий ее голос: «Напомни мне, пожалуйста, свое отчество...» — «Да зачем оно вам, называйте по имени». — «Нет, уж лучше скажи. А то вот в двадцатом году пришла я во МХАТ к Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, очень хотелось поступить в труппу театра. Да от волнения возьми и назови его Владимир Семенович. На том моя карьера в Художественном театре и закончилась».

Несколько лет назад мы договорились, что она выскажется на страницах «Комсомолки» по поводу образования и образованности. Разговор готовился в номер на первое сентября. К Дню знаний. Традиционно первый сентябрьский номер в коллективе нашей газеты готовят с особым старанием. Решили к очередному сентябрю подумать: почему образование получают все, а истинная образованность редка? Ответ должен быть лаконичным, о чем я и предупредил Фаину Григорьевну. Уточнив, что нынче подразумевается под этим, и услышав про три страницы, она долго веселилась и заявила, что постарается следовать изначальному смыслу слова «лаконичный». Через два дня продиктовала нам на стенобу буквально десять строчек. «Высоко ценю в человеке образованность, если он мыслит, как великий физик Эйнштейн, заметивший однажды, что стремление только к личному

от каких пороков. Но не совсем. Вот и я вижу конкретное явление за ним сейчас. Может быть, и вам не надо стесняться?...» Мы не стали стесняться и напечатать.

Последняя ее работа на сцене театра имени Моссовета — Филицата из пьесы А. Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше». Много раз приходил я на этот спектакль, поражаюсь глубине созданного ею образа, которая, наверное, весьма удивила бы и драматурга. Ее Филицата — олицетворение старости, не лучшей поры жизни. Она словно бы стесняется того, что еще живет. Есть душевные состояния, которые совершенно не поддаются передаче словами. Фаина Григорьевна была великим мастером именно в их постижении. Я часто видел на спектаклях с ее участием плачущих людей. Нет, не от слабости, не от сентиментальности. Одиночество, неустроенность, какая-то заброшенность ее героев спрашивали всех, кто был тому свидетелем: где же ваши глаза, слышите ли вы, почему никому не помогаете в жизни? А ведь без этого человек несчастен, оглянитесь вокруг...

Она не кривила душой, многое испытывала, знала цену помощи и внимания, и все, о чем рассказывала со сцены, — отнюдь не созданный кем-то литературный текст, это ее переживания, мысли, ее мироощущение.

Когда Раневская заканчивала в этом спектакле последнюю свою сцену и уходила, оставалось пронзительное, трагичное ощущение, что не со сцены она уходит — из жизни... Однажды это и случилось. И мы осиротели.

Ю. ДАНИЛИН.